

**ШАЙКЕВИЧ А. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
О ШАЙКЕВИЧЕ А. М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
ПОМПОЛИТ — ШАЙКЕВИЧ Н. Г.**

ШАЙКЕВИЧ Андрей Мартинович, родился в 1908 в Москве, в дворянской семье (отец служил военным врачом). Проживал в Москве, учащийся школы № 42 Хамовнического отдела народного образования. 24 февраля 1928 — арестован по обвинению «в участии в антисоветской организации скаутов». 20 апреля приговорен к 3 годам ссылки и отправлен в Тамбов¹. В июле 1928 — обратился за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 июля 1928>

«Председателю Общества помощи
политическим заключенным и ссыльным
"Красный Крест" Е. П. Пешковой

Политического ссыльного
Андрея Мартиновича Шайкевича

Заявление

По приговору коллегии ОГПУ от 24-го апреля 1928 г<ода> я выслан на поселение в г<ород> Тамбов сроком на три года после предварительного трехмесячного заключения в Бутырской тюрьме. Приговор коллегии основывался на обвинении меня в руководстве контрреволюционной организации бойскаутов по статье 58-4 У<головно>-П<роцессуального> Кодекса.

Идейный работник не мог бы называться работником, если б ему страшен был какой-нибудь приговор. И мне не страшно, но глубоко оскорбительно предъявление мне обвинения в контрреволюционной работе. Я никогда не был, не есть и не буду контрреволюционером.

Да, я раньше был скаутом. Да, мой кружок возник из отряда скаутского "Белая лилия", но это было в прошлом. А даже тогда, когда я был скаутом, я не имел ничего общего с программой мирового скаутизма. В моем отряде была совершенно самостоятельная программа, созданная мной. В основе этой программы лежало только этическое и умственное развитие моих ребят. Наша конечная цель — "счастье всего человечества в целом и каждого человека в отдельности". Наш путь — "стать человеком в лучшем смысле этого слова и помочь другим сделаться тем же". Вся наша идеология выражается нашими семью законами. В этих законах говорится, что каждый член нашего кружка должен быть: 1) верным другом всего мира, 2) чистым в мыслях, словах и на деле, 3) честным, скромным и правдивым, 4) исполнительным и доводить начатое дело до конца, 5) трудолюбивым, веселым и никогда не падать духом, 6) аккуратным и уважать труд, 7) другом животных. Эти семь законов представляют собой основные тезисы нашей идеологии, конечно, сокращенные до минимума и упрощенные до возможного предела. Вся моя идеологическая работа с ребятами заключалась в детализации этих законов и выводов из них на беседах. И это — вся наша этическая работа. Наша умственная, научная работа была гораздо шире и интенсивнее.

Все мои ребята — хорошие, дельные химики. Те немногие из них, которые не обладали способностями к химии, имели все же к ней громадный интерес, а главное, серьезное, сознательное отношение, что так трудно бывает встретить среди наших школьников. Каждую неделю я

¹ «Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 г.г.): справочник / (сост. И. А. Мазус) — М.: Возвращение: Гос. Музей ГУЛАГа, 2014. С.

устраивал доклады по теоретической и общей химии и по основным ее отраслям. Часто доклады делали сами ребята.

Я организовал издание журнала К солнцу, в котором помещались работы моих ребят и мои, и те, которые мне удавалось отвоевать у наших школьных преподавателей. Работы эти писались большей частью на различные научные, физико-химические и биологические темы. Кроме того, в журнале был организован литературный отдел, в котором помещалась проза и поэзия членов кружка. На страницах критико-библиографического отдела ребята сами подвергали критике работы своих товарищей.

Научная работа играла у нас доминирующую роль. Основным лозунгом этой нашей работы были слова Д. И. Менделеева: "Человек должен быть двигателем мирового колеса, должен быть элементом, составляющим систему". В своей научно-химической работе мы были всецело верны заветам Д. И. Менделеева, высказанным им в его "заветных мыслях". Мы считали, что химия — залог благосостояния России, мы решили посвятить все свои химические знания и силы на службу нашей дорогой родине, героически борющейся с мировой враждой.

Со старым же скаутизмом у нас было общего только имя и традиции и то только до 26-го года. Характерным фактом, подтверждающим только что сказанное, является то, что скауты других отрядов еще в конце 25-го года отказались признать мой отряд за скаутский на том основании, что мы совершенно изменили программу. В 1926 году я решил порвать и эту, совершенно излишнюю связь, отряд "Белой лилии" отошел в прошлое и остался литературно-научный кружок имени Д. И. Менделеева с только что описанной программой. Можно поставить два вопроса: каково же наше политическое мировоззрение, и почему мы были на нелегальном положении. На первый вопрос я отвечаю то, что мы, ставя себе целью только умственно-этическое развитие, совершенно не затрагивали политики. Члены нашего кружка могли входить в то же время и в ВЛКСМ, и в какие бы то ни было другие организации. Это нас не касалось. Наша программа требовала только, чтобы на первом месте стояла научная работа, а потом этическое самовоспитание. Нелегальны же мы были только потому, что, во-первых, нашему кружку не было разрешено собираться в школе и, во-вторых, потому, что я намеревался просить разрешения МОНО² только после достаточного стажа (годового или двухгодового).

Я написал Вам как можно короче. Если Вам понадобятся детали, я всегда готов предоставить из Вам. На основании всего того, насколько я сам знаю свою работу (а мной никто никогда не руководил) я положительно не понимаю, как можно назвать контрреволюционным стремление выработать из себя честных людей и научных работников для своего государства. На основании изложенного я прошу "Красный Крест" посодействовать, сколько возможно, моему оправданию и возвращению домой в Москву. Я знаю свои химические силы и возможность приложить их к делу научно-технического строительства России. И тем тяжелее мне и печальнее терять возможность получить высшее образование.

<подпись>

P. S. Могу прибавить, что моя личная идеология несколько не отличается от моей программы. Я всю свою жизнь хочу посвятить делу свободы, любви и знания, и конечной целью человечества считаю анархо-коммунистическое общество П. А. Кропоткина.

<подпись>

² МОНО

В тот же день к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Н. Г. Лещенко-Шайкевич, мать Андрея Мартиновича Шайкевича.

<12 июля 1928>

«Председательнице Общества помощи
политическим заключенным и ссыльным
"Красный Крест" Е. П. Пешковой

Н. Г. Лищиной-Шайкевич,
Врача охраны здоровья детей

Заявление

Мой, Андрей Шайкевич, выслан в г<ород> Тамбов на 3 года после 3-х месячного заключения в тюрьме. Применения к нему статьи № 58-4 УК я считаю глубоким недоразумением, так как никогда не только в его делах, но даже в мыслях у него не было ничего контрреволюционного. Он горячо принимал к сердцу все революционные успехи своей родины и, как сам часто говорил, готов был защищать ее своей грудью, если б ей грозила какая-нибудь опасность. Он даже мечтал одно время о поступлении добровольцем в Красную Армию, для чего ходил в М<осковский> В<оенный> О<круг> и предлагал воспользоваться его химическими знаниями для обороны страны.

Да иначе и быть не могло. Ведь он родился и вырос в трудовой семье, проникнутой самыми революционными убеждениями. Я еще в ранней молодости была выслана царским правительством из Ленинграда и долго находилась под гласным надзором царской полиции. Мой первый муж, товарищ Ал. И. Ульянова по университету, был исключен, выслан и потом, благодаря постоянному надзору за ним полиции, не мог ни кончить курса, ни служить. Сестра моя Е. Г. Львова подверглась такой же участи, а муж ее А. Я. Львов долго сидел в одиночном заключении в "Крестах" и потом был выслан в Якутскую область за свою революционную работу в качестве члена "Союза борьбы за освобождение рабочего класса". Наконец, моя родная дочь и сестра Андрея Елена Вл. Лищина и теперь состоит активным членом ВКП, а в 19-м году, работая в качестве помощника <нрзб.> в одном из полков 9-й Армии на Южном фронте, она рисковала своей жизнью за Советскую власть. Муж ее Я. Т. Новожилов, старый коммунист из рабочих, соратник Вл. И. Ленина, тоже много сделал для укрепления Советской власти.

Тем более меня потрясло это неожиданное заключение и высылка моего сына, еще совершенного мальчика, несмотря на свои 19½ лет, так как, благодаря постоянным болезням, перенесенным лишениям, голоду и тяжелой наследственностью (отец был нервнобольной) он медленно и ненормально развивался и до сих пор еще, несмотря на свои способности и даже талантливости, остался достаточно инфантильным, большим мечтателем и фантазером. Но повторяю: в его полубредовых идеях о счастье всего человечества нет ничего общего с контрреволюцией, и осуждение его именно за нее является тяжелым и обидным недоразумением.

Он уже и так слишком наказан. Трехмесячное пребывание в тюрьме сильно подорвало его и без того слабое здоровье (он страдает

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.229. Л. 25-26. Автограф.

туберкулезом легких и врожденным пороком сердца при резком упадке общего питания и общей нервозности).

Высылка из Москвы лишила его возможности окончить свою школу, в которой он в течение всего курса учения был лучшим учеником, благодаря своим способностям и любви к знанию. А теперь ссылка в захолустный город, где нет высшего учебного заведения, надолго отодвинула от него университет, тот университет, о котором он все время мечтал, и который, по словам проф<ессора> Реформаторского, ознакомившегося с его химическими работами, "ждет его".

Эта невозможность учиться дальше, с одной стороны, разлука с семьей, с другой, угнетающим образом действует на него, доводя его до тоски и отчаяния.

Я сама, отделенная от него таким далеким расстоянием, нахожусь в постоянном беспокойстве и волнении, что очень тяжело отзывается на моем больном сердце, и лишает меня спокойствия, так необходимого мне при моей ответственной работе школьного врача.

Наконец, его высылка совершенно расстроила материальное положение семьи. Ведь я, как вдова, являюсь единственным работником в семье, и у меня на руках еще дочь, тяжело больная туберкулезом позвоночника.

В виду всего вышеизложенного я прошу Вас посодействовать тому, чтоб ему разрешили вернуться в Москву для продолжения образования. Я ручаюсь, что он не подаст повода к каким-нибудь неприятностям со стороны ГПУ. Моя дочь и зять, члены ВКП, согласны взять его под свое наблюдение и руководство, и я думаю, что это может быть полной гарантией для ОГПУ для его реабилитации.

Н. Лищина-Шайкевич,
врач охраны здоровья детей.

12/VII-1928»⁴.

В конце июля 1928 — заведующий юридическим отделом Помполита ответил Н. Г. Лищиной-Шайкевич.

<26 июля 1928>

«Н. Г. ЛИЩИНОЙ-ШАЙКЕВИЧ.

В ответ на Ваше письмо сообщаю, что Вашему сыну, Андр Мартин Шайкевич нужно прислать личное заявление в Особое Совецание по Высылкам с просьбой об освобождении от высылки.

Заявление это он может прислать нам, мы передадим по назначению⁵.

11 января 1929 — Андрей Мартинович Шайкевич был переведен в Калугу на оставшийся срок. 14 сентября 1929 — досрочно освобожден с разрешением свободного проживания. Вернулся в Москву, работал преподавателем химии 11-й школы ФЗО. 21 декабря 1932 — арестован по обвинению «в антисоветской агитации и участии в контрреволюционной организации». 10 мая 1933 — приговорен к 8 годам ИТЛ и отправлен в Соловецкое отделение Белбалтлага. Осенью 1937 — переведен на тюремный режим, 9 ноября 1937 — приговорен к ВМН и 3 ноября расстрелян⁶.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.229. Л. 27-28. Автограф.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д.229. Л. 24. Машинопись.

⁶ «Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 г.г.): справочник / (сост. И. А. Мазус) — М.: Возвращение: Гос. Музей ГУЛАГа, 2014. С.